

Я попал в зону любви

Он напоминает боксера и джазмена одновременно. Короткий седоватый «ежик» и временами жесткость во взгляде. Но и дружинная походка, особенные интонации — в которых столько самодирности и проникновенности. «забирающей» собеседника всего с потрохами. Режиссер Валерий Рубинчик.

Не зная его в лицо, вычислила еще на подходе к Союзу кинематографистов. «Но как-как?» — театрально изумился он. «Вы похожи на свой фильм «Культпоход в театр» — теплую, настоящую советскую «антисоветчину»...

□ ...Когда Шмага сказал: «Мы — артисты, наше место в буфете», и открылся занавес — на реальной буфетной стойке (весь спектакль Фоменко «Без вины виноватые» идет в буфете Театра Вахтангова) сидели сильно уже повзрослевшие Яковлев, Борисова, Максакова и запыли романс, я заплакал. Я сошел с ума, у меня что-то разорвалось внутри. Вспомнил детство, Минск, отца. Вспомнил «Принцессу Турандот», вальс на расческах, Феллини, бессмысленность жизни. Причем даже трудно сказать, из чего соткан этот спектакль, в нем все сплавлено: изысканная форма — эти актеры, каждое появление которых притягивает, и очень точный замысел.

Хотя в принципе режиссер может точно и не знать, что он хочет сказать — если только он не твердолобый. Но он знает, что он не хочет сказать, он знает, как не надо.

□ Все мои фильмы — и «Дикая охота короля Стаха», завоевавшая столько международных премий, и «Венок сонетов», и «Отступник», и «Культпоход в театр» — как бы ни были мне дороги, отягощены беллетристическими кандалами. В моем последнем фильме «Нелюбовь» нет ничего лишнего, нет беллетристичности. Сценарий написала совершенно юная особа — Рената Литвинова. Это даже не сценарий, а записки одной девочки — кому-то. Фильм для меня очень дорог — он вбирает какую-то часть моей жизни. Я остановился на перекрестке и не понимаю, как жить дальше. Какая-то растерянность, оцепенение в жизни. «Нелюбовь» — очень важное для меня название: у меня такое ощущение, что в какой-то момент я попал в зону нелюбви. Вероятно, я сам в этом виноват. Что-то произошло — был период, когда казалось, что жизнь бесконечна, а сам я — бессмертен.

И вот я пропустил, проморгал тот момент, когда понял, что, оказываясь, жизнь не

бесконечна, а ты не бессмертен. «Нелюбовь» — это и моя зона нелюбви, куда я забрел, и никак не могу выбраться.

□ У режиссера в картине всегда должен быть человек, который воплощает его «я». Не в какой-то роскошной форме «я рассказываю свою жизнь», нет. Но кто-то должен фокусировать в себе мое «альтер эго», мои сомнения, мои взаимоотношения с жизнью. Белорецкий в «Дикой охоте», драматург в «Культпоходе», которого играет Стеблов, мальчик-подросток в «Венке сонетов». А вот в «Нелюбви» — главные три персонажа, которых играют Любичин, молодой студент ВГИКа Митя Рошин и наша дебютантка Ксения Качалина, получившая на «Кинотавре» приз за главную женскую роль, — это все я. Смешно? Странно? Или нелепо?

□ Само делание фильма — своего рода эскапизм, бегство от жизни. Я запустился с фильмом, значит, я ушел от реальности: будней, жизни своей семьи... «Не трогайте его — он делает фильм!» «Не трогайте его — он завтра с утра в монтажной!» Эскапизм.

И вот вопрос — во имя чего трудится художник? Лучше Бродского не скажешь: поэзия существует во имя поэзии. Я совершенно убежден: кино существует во имя кино. Когда у Антониони спросили, почему он так усерден на съемке, он ответил: «Я не усерден, я маниакален».

Почему? А не почему. Великое слово, которое у нас заругано: декаданс. Когда художник создает узор во имя узора, он вкладывает туда весь свой художественный опыт.

□ Меня мучают наши формы реальной жизни. Когда-то Чехов говорил, что самое тяжелое испытание для человека — будни. Гениально сказано. Насколько насыщена атмосфера Москвы — сколько театров, студий, музыкантов.. И как же она буднична в то же время.. Я приехал в Афины, прошла неделя — я понял: здесь будни. Или мы в Мюнхене снимали «Отступника». Мы с художником ночью ходили по городу, и я его спрашивал: «Саша, ты веришь, что мы в Мюнхене?» Он отвечал: «Нет». Мы подходили к старинным зданиям, всматривались, могли кричать... «Нет, ты веришь, что это Мюнхен?!» Нас окружал нормальный город: просто шел дождик, собачка пробежала... Я сказал: «Хочу пить. У тебя спички есть?»...

□ Любовь. Я об этом постоянно думаю. Смотрю — идут мужчина и женщина. Разговаривают, держат друг друга за руки, смеются. Я смотрю на них и чувствую: им хорошо вдвоем. У меня возникает чувство зависти. Я думаю: неужели и завтра им будет хорошо вдвоем?

Я знаю одну женщину, которая, учась в физкультурном институте, влюбилась в своего сокурсника. Он был

такой смешной, черненький, носатый. А она такая беленькая. И она так в него влюбилась на всю жизнь, что, когда смотрела на него, просто смеялась: «Гы-ы...» Она вцепилась в него, а он понял, что так, как она, его никто любить не будет.

□ Когда у меня умерла мама — все уже ушли и мы остались с папой вдвоем, — я смотрел на нее, лежащую в темном костюме в гробу, и думал: вот это и есть «мама умерла»? Время от времени люди говорили: у меня мама умерла. Что значат эти слова? И я смотрел на нее, и пытался понять: вот это и есть «мама умерла».

Она мне говорила: родители — это эпоха. Пройдут годы, ты будешь жить один, у тебя не будет родителей. Спокойно говорила. А отец — ему было 84 года — сказал однажды: «Когда я умру, ты не очень убивайся. Потом ты смотри — хоть проживи не меньше меня». Я был единственным ребенком.

□ А недавно я побывал в Минске. Минск сейчас совсем другой город. Там метрополитен. Это влияет на жизнь людей. Метрополитен — место, где встречаются, гуляют, целуются, визжат... Я приходил к школе, дорогим когда-то местам — и не мог получить морального урока. Я хотел получить как бы материал для размышлений и чувствовал, что я на пустом месте. Чужой город. Тот, мой, город был даже не вчера, а позавчера. Шпаликов писал: «...истина проста: никогда не возвращайся в прежние места...»

□ Учите — всякий сын, дочь как бы находятся в полемике со своими родителями. Родители — резонатор. Я недавно написал сценарий, который в себе сочетает «Гамлета» и «Чайку», там Гамлет все время со своей матерью — в точности, как Треплев с Аркадиной, — срывается. А родителей нет — нет и резонатора. Потом мы ведь всегда как бы тайно верим в Бога: вот мои родители исчезли с лица земли. Я не понимаю этого. А какой смысл? Не понимаю. Что это значит? Не понимаю. Почему моя мать так тяжело болела? Что, ее наказал Бог? Что это значит? Я очень боюсь, что это ничего не значит. И в этом весь ужас. Но тогда мне не на что опереться. Гамлет говорит: «В этой бессмыслице очень много смысла». Может, это единственная мудрость, которую я познал. Я ее берегу.

Гузель АГИШЕВА.

Фото Олега КОРОЛЕВА.